

НЪЧТО О ШИЛЛЕРЪ

Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.
Пушкинъ.

Въ первомъ номерѣ газеты «Вѣкъ», изданія, заслуживающаго во многихъ отношеніяхъ полного уваженія, которому мы сочувствуемъ, какъ новому голосу въ нашей литературѣ, и которому потому желаемъ всякихъ успѣховъ, — встрѣчается коротенькая, ничѣмъ не поясненная фраза такого рода: «мы не очень высоко ставимъ Шиллера, какъ поэта», и проч.

Если бы такія слова попались намъ въ «Современникѣ», мы нисколько не удивились бы. Но «Вѣкъ»? Ужели и онъ туда же?

Что за странная манера писать! Скажите на милость, кому же какое дѣло до того, что «Вѣкъ» не уважаетъ Шиллера? Чему и кого научить «Вѣкъ» этими словами? Они показываютъ только одно притязаніе на авторитетъ, на роль учителя передъ учениками.

«Вѣкъ» заговорилъ о Шиллерѣ по поводу изданія г. Гербеля. Это изданіе должно было привести ему на память, что Шиллеръ принадлежитъ къ главнымъ любимцамъ нашей молодой литературы и нашей читающей публики, что безъ этого изданія Гербеля было бы невозможно. Но очевидно на эту любовь нашихъ читающихъ и пишущихъ людей къ Шиллеру, любовь, идущую отъ Жуковскаго и продолжающуюся до нашихъ дней, «Вѣкъ» смотритъ неблагоклонно. Ему кажется, изволите видѣть, что любовь пала на человѣка, мало ея достойнаго. Поэтому «Вѣкъ» принимается толковать о томъ, что не дурно бы перевести Гёте, Байрона и проч. Совѣтъ очень хорошій, да только не лишній ли? Такія вещи по совѣтамъ, да по указамъ не дѣлаются. Между-тѣмъ «Вѣкъ», кажется, серьезно думаетъ, что все это передѣлать очень легко, что можно сейчасъ уничтожить любовь къ Шиллеру и заставить читателей полюбить какого угодно другого поэта.

Этотъ взглядъ на литературу свысока, это желаніе учить ее и распорядиться ею — представляютъ и смѣшную и вмѣстѣ несносную черту, которая часто является въ нашей журналистикѣ.

Между-тѣмъ, если на литературу смотрѣть съ уваженіемъ, то дѣло явится совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Мы должны особенно цѣнить Шиллера, потомучто ему было дано не только быть великимъ всемірнымъ поэтомъ, но сверхъ того быть нашимъ поэтомъ. Поэзія Шиллера доступнѣе сердцу, чѣмъ поэзія Гёте и Байрона, и въ этомъ его заслуга; отъ этого ему многимъ обязана и русская литература.

Вообще же, если какой бы то ни было геній находить у насъ сильный отголосокъ, то тутъ остается одно: должно радоваться его вліянію, а не выступать впередъ съ фразами: мы де его не очень цѣнимъ. Если и впередъ какой-нибудь *властитель думъ* овладѣетъ нашими думами, то конечно это будетъ зависѣть не отъ «Вѣка» или какого-нибудь другого скорого цѣнителя; такія явленія опредѣляются внутреннею жизнью литературы и всего общества.

Вообще многіе поэты и романисты запада являются передъ судомъ нашей критики въ какомъ-то двусмысленномъ свѣтѣ. Не говоря уже о Шиллерѣ, вспомнимъ напримѣръ Бальзака, Виктора Гюго, Фредерика Сулье, Сю и многихъ другихъ, о которыхъ наша критика, начиная съ сороковыхъ годовъ, отзывалась чрезвычайно свысока. Передъ ними былъ виноватъ отчасти Бѣлинскій. Они не приходились подъ мѣрку нашей слишкомъ уже реальной критики того времени. Если самъ Байронъ избѣжалъ жосткаго приговора, то этимъ онъ обязанъ во-первыхъ Пушкину, а во-вторыхъ протесту, который вырывался изъ каждаго стиха его. А то и его бы мы развѣнчали. Онъ-то ужъ никакъ не подходилъ подъ мѣрку.

Все это чрезвычайно интересно и современно. Мы скоро надѣемся представить большую статью подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Поэты и романисты запада передъ судомъ нашей критики.*